

Отец Андрей Колесников

ТЕБЕ НЕ ПОНРАВИЛОСЬ, ЧТО ОН СО СТАРШИМИ ДЕВОЧКАМИ РАЗГОВАРИВАЛ И ТЕЛЕФОН ИМ СВОЙ ОСТАВИЛ. И ТАТУИРОВКИ СВОИ ПОКАЗЫВАЛ. И ДАЖЕ ФУТБОЛКУ СТАЩИЛ

КО МНЕ ПРИЕХАЛ мой школьный учитель, мой классный руководитель. После того как мы закончили десятый класс, он уволился и уехал жить в Германию. Ему нечего было здесь больше делать.

У меня первого из нашего класса родился ребенок, это произошло в бессознательном возрасте, то есть мне было 18 полных лет. И пока мой мальчик не родился, я ничему не удивлялся: да, бывает, чего уж там. Но через некоторое время все происшедшее стало казаться мне очень странным, я никак не мог поверить, что это мой трехлетний сын говорит мне, студенту факультета журналистики: «Папа, ну где же ты был, я тебя так ждал!» Да ведь я сам был ненамного старше него.

Я говорил об этом с моим учителем. Хотя он и уехал, но остался и в моей жизни, и в жизни моих одноклассников. Своих детей у него не было, и мы их ему, я думаю, заменяли, как умели. Но вообще-то мы, конечно, не умели. А моя жена даже рожала в Ярославле, где он тогда жил. Он все устроил. В Москве в роддомах был стафилококк, нам очень не советовали...

И вот я спрашивал, что он думает обо всем этом, то есть обо мне. Он дипломатично отвечал в том смысле, что ничего уже не исправить.

А я был не согласен и попробовал исправить, то есть через несколько лет развелся. Правда, исправить не удалось.

Он жил в Германии. Там у него больная мама, так что в Россию он приезжает редко. И вот неделю назад приехал.

В субботу утром мы сидели у меня дома, мои заспанные дети, Маша и Ваня, смотрели на него с огромным интересом. Им, школьникам, было, конечно, любопытно: у их отца тоже оказался учитель, к тому же классный руководитель. Это ведь было совсем непонятно. Они переводили взгляд с него на меня, смотрели друг на друга и хихикали.

— А знаете, — сказал я учителю, — Маша с Ваней ведь недавно виделись с Никитой. В летние каникулы были под Лондоном, учились там три недели. И он в Лондоне учится. Увиделись.

— И как он вам? — поинтересовался мой учитель.

— Мне понравился, — ответил Ваня.

— Мне не понравился, — ответила Маша.

— А почему?

— Потому что он хороший парень, — сказал Ваня.

— Потому что у него тело в татуировках, — сказала Маша.

— Может, это и неплохо... — неуверенно сказал я.

— Я даже потом к девочкам играть ушла, — призналась Маша.

— Маша! — в сердцах воскликнул Ваня. — Тебе же не это не понравилось!

— А что же тогда?! — с вызовом переспросила она. — Откуда ты знаешь, что мне не понравилось?

— Я знаю, — сказал Ваня. — Тебе не понравилось, что он со старшими девочками разговаривал и телефон им свой оставил. И татуировки свои показывал. И даже футболку стащил.

— А я знаю, что тебе понравилось! — рассердилась Маша.

— И что?! — крикнул Ваня.

— А то, что он с тобой в футбол играл!

— Конечно, понравилось, — кивнул Ваня. — А что такого?

Мой учитель внимательно слушал. Это мягко сказано — внимательно. Несколько раз он хотел что-то сказать. Потом раздумывал. Он же учитель. Может, он поэтому и понимал лучше других, что есть ситуации, когда не надо никого учить.

Но я видел, как он слушает. Чужая жизнь вихрем пронеслась мимо него. Да и совсем не чужая она была. И не одна это была жизнь, а три, а то и больше (если тех старших девочек посчитать, а заодно и меня, например).

— Ваня, — сказал я, — ты что, опять пароль на телефон поставил?

Я увидел, как он активирует свой телефон.

— Да, — согласился он.

— Но мы же договорились, что ты не будешь этого делать!

Проблема в том, что там, в Англии, он забыл пароль телефона. А может, его маленькие дру-

зья поменяли пароль, чтобы пережить несколько приятнейших минут.

— Опять забудешь! — угрожающе произнес я.

— Знаю, пап, — сказал он. — И если опять забуду, то у меня никогда больше не будет мобильного телефона... Никогда...

Тогда, в Англии, он перестал выходить на связь. Я разволновался, и потом выяснилось, что он не мог вспомнить пароль, что несколько раз набрал не тот и что телефон в конце концов оказался заблокирован. Надо было покупать новый. Купили...

— Да это все корейцы, пап... — успокоил меня Ваня.

Он жил в комнате, где было восемь корейцев. То есть Ваня намекал, что он еще легко отделался.

Мой учитель честно попробовал поучаствовать в этом разговоре, но у него не было шансов. Для этого нужно было понимать, о чем речь.

Тогда Маша сама рассказала ему, что из клетки на днях сбежал хомяк. До этого сбежали другие и не вернулись. И дети надеются, что они обрели свободу. Я знаю правду, но она слишком жестокая, чтобы ее узнали и они.

А этот хомяк, самка, вернулась. Она сама вернулась в клетку, когда захотела есть. Я считаю это чудом.

Мой учитель выслушал хеппи-энд с таким же напряженным вниманием.

Я вообще-то писал про тех, кто не вернулся, в такой же колонке. И теперь рассказал, как одна девушка прислала после этого мне письмо и сказала, что надо срочно расселить двух самок, потому что они не уживутся в одной клетке, так как создания одинокие и дерзкие. — Да? — переспросила Маша. — А чего они тогда бегают друг по другу?

— Кто-нибудь из них и добегаются, — предположил я.

— Папа, это ты когда-нибудь добегаешься, — немедленно ответила она.

Я замолчал.

Через несколько минут мы с учителем вышли из квартиры.

— Спасибо, Андрюш, — сказал он. — Лучшее утро в моей жизни.